

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет»
(Астраханский государственный университет)

кафедра английской филологии

Письменный перевод

По книге Peter Winch «The idea of a social science and its Relation to
Philosophy»

This edition published in the Taylor & Francis e-Library, 2003.

Перевод страниц с 1 по 10

Для сдачи кандидатского экзамена
по иностранному языку
(английский)

Выполнил:

Переверзев-Земцов Иван Константинович

Астрахань – 2021 г.

<p>1. Aims and Strategy</p> <p>That the social sciences are in their infancy has come to be a platitude amongst writers of textbooks on the subject. They will argue that this is because the social sciences have been slow to emulate the natural sciences and emancipate themselves from the dead hand of philosophy; that there was a time when there was no clear distinction between philosophy and natural science; but that owing to the transformation of this state of affairs round about the seventeenth century natural science has made great bounds ever since. But, we are told, this revolution has not yet taken place in the social sciences, or at least it is only now in process of taking place. Perhaps social science has not yet found its Newton but the conditions are being created in which such a genius could arise. But above all, it is urged, we must follow the methods of natural science rather than those of philosophy if we are to make any significant progress. I propose, in this monograph, to attack such a conception of the relation between the social studies, philosophy and the natural sciences. But it should not be assumed on that account that what I have to say must be ranked with those reactionary anti-scientific movements, aiming to put the clock back, which have appeared and flourished in certain quarters since science began. My only aim is to make sure that the clock is telling the right time, whatever it may prove to be. Philosophy, for reasons which may be made more apparent subsequently, has no business to be anti-scientific: if it tries to be so it will succeed only in making itself look ridiculous. Such attacks are as distasteful and undignified as they are useless and unphilosophical. But equally, and for the same reasons, philosophy must be on its guard against the extra-scientific pretensions of science. Since science is one of the chief shibboleths of the present age this is bound to make the philosopher unpopular; he is likely to meet a similar reaction to that met by someone who criticizes the monarchy. But the day when philosophy becomes a popular subject is the day for the philosopher to consider where he took the wrong turning. I said that my aim was to attack a current conception of the relations between philosophy and the social studies. Since that conception involves two terms, what may</p>	<p>1. Цели и стратегия</p> <p>То, что социальные науки находятся в зачаточном состоянии, стало общим местом среди авторов учебников по этому предмету. Одни утверждают, что это происходило из-за того, что общественные науки подражали естественным наукам и освобождались от влияния философии; был момент, когда не существовало четкой границы между естественными науками и философией, но со временем, начиная с 17 века ситуация изменилась и с тех пор естественные науки получили большой толчок в развитии. Но, как нам говорят, в социальных науках эта революция еще не произошла, или, по крайней мере, она только происходит сейчас. Возможно, социальная наука еще не нашла своего Ньютона, однако создаются условия, в которых мог бы возникнуть подобный гений. Однако бытует мнение, что мы, представители социальных наук, должны следовали методам естественных наук, а не методам философии, если мы хотим добиться какого-либо значительного прогресса. В этой монографии я предлагаю атаковать данную концепцию взаимосвязи между социальными науками, философией и естественными науками. Однако, то что я здесь выскажу ни в коем случае не следует считать антинаучным движением, стремящимся повернуть время вспять, которые появились и процветали в определенных кругах с тех пор, как зародилась наука. Моя единственная цель - убедиться, что часы показывают правильное время, каким бы оно ни оказалось. Философия, по причинам, которые впоследствии могут стать более очевидными, не имеет права быть антинаучной: если она попытается быть таковой, ей удастся только выставить себя в смешном виде. Такие нападки столь же неприятны и недостойны, сколь бесполезны и нефилософичны. Но в равной степени и по тем же причинам философия должна быть настороже против вненаучных притязаний науки. Поскольку наука является одним из главных шибболетов современности, что неизбежно сделает философа непопулярным; он, скорее всего, встретит реакцию,</p>
---	--

appear to some a disproportionately large portion of this book must be devoted to discussing matters whose bearing on the nature of the social studies is not immediately evident. The view I wish to commend presupposes a certain conception of philosophy, a conception which many will think as heretical as my conception of social science itself. So, however irrelevant it may at first appear, a discussion of the nature of philosophy is an essential part of the argument of this book. This opening chapter, then, cannot safely be skipped as a tiresome and time-wasting preliminary. This may be more convincing if I briefly outline the general strategy of the book. It will consist of a war on two fronts: first, a criticism of some prevalent contemporary ideas about the nature of philosophy; second, a criticism of some prevalent contemporary ideas about the nature of the social studies. The main tactics will be a pincer movement: the same point will be reached by arguing from opposite directions. To complete the military analogy before it gets out of hand, my main war aim will be to demonstrate that the two apparently diverse fronts on which the war is being waged are not in reality diverse at all; that to be clear about the nature of philosophy and to be clear about the nature of the social studies amount to the same thing. For any worthwhile study of society must be philosophical in character and any worthwhile philosophy must be concerned with the nature of human society.

аналогичную той, которую встречает тот, кто критикует монархию. Но день, когда философия становится популярной темой, - это день, когда философ должен задуматься о том, где он свернул не туда. Я сказал, что моя цель состояла в том, чтобы атаковать современную концепцию отношений между философией и социальными науками. Поскольку эта концепция включает в себя два термина, кому-то может показаться, что непропорционально большая часть этой книги должна быть посвящена обсуждению вопросов, влияние которых на природу социальных исследований не сразу очевидно. Точка зрения, которую я хочу одобрить, предполагает определенную концепцию философии, концепцию, которую многие сочтут такой же еретической, как и моя концепция самой социальной науки. Таким образом, каким бы неуместным это ни казалось на первый взгляд, обсуждение природы философии является неотъемлемой частью аргументации этой книги. Таким образом, эту вступительную главу нельзя безопасно пропустить как утомительную и отнимающую много времени. Это будет более убедительным, если я кратко изложу общую стратегию книги. Она будет состоять из войны на двух фронтах: во-первых, критика некоторых распространенных современных идей о природе философии; во-вторых, критика некоторых распространенных современных идей о природе социальных исследований. Основной тактикой будет движение в клещи: одной и той же точки можно будет достичь, споря с противоположных сторон. Чтобы завершить военную аналогию, прежде чем она выйдет из-под контроля, моя главная военная цель будет состоять в том, чтобы продемонстрировать, что два, казалось бы, разных фронта, на которых ведется война, на самом деле совсем не различны; что быть ясным в отношении природы философии и быть ясным в отношении природы социальных исследований - это одно и то же. Ибо любое стоящее изучение общества должно носить философский характер, и любая стоящая философия

	должна быть связана с природой человеческого общества.
--	--

<p>2. The Underlabourer Conception of Philosophy</p> <p>I will call the conception of philosophy which I want to criticize the ‘underlabourer conception’, in honour of one of its presiding geniuses, John Locke. The following passage from the Epistle to the Reader which prefaces Locke’s Essay Concerning Human Understanding, is often quoted with approval by supporters of the underlabourer conception.</p> <p>The commonwealth of learning is not at this time without master-builders, whose mighty designs, in advancing the sciences, will leave lasting monuments to the admiration of posterity: but everyone must not hope to be a Boyle or a Sydenham; and in an age that produces such masters as the great Huygenius and the incomparable Mr. Newton, with some others of that strain, it is ambition enough to be employed as an under-labourer in clearing the ground a little, and removing some of the rubbish that lies in the way to knowledge.</p> <p>Locke’s view is echoed in A.J.Ayer’s distinction between the ‘pontiffs’ and the ‘journeymen’ of philosophy; it is translated into the idiom of much modern philosophical discussion by A.G.N.Flew, in his introduction to Logic and Language (First Series); and it has many points of contact with Gilbert Ryle’s conception of philosophy as ‘informal logic’ (Cf. Gilbert Ryle: Dilemmas, Cambridge). I will try to isolate some of the outstanding features of this view which are most relevant for my present purpose. First, there is the idea that ‘it is by its methods rather than its subject-matter that philosophy is to be distinguished from other arts or sciences’ (3). That obviously follows from the underlabourer conception; for according to it philosophy cannot contribute any positive understanding of the world on its own account: it has the purely negative role of removing impediments to the advance of our understanding. The motive force for that advance must be sought in methods quite different from anything to be found in</p>	<p>2. Философская концепция поденщика</p> <p>Я назову концепцию философии, которую собираюсь критиковать, "концепцией поденщика", в честь одного из ее главных гениев, Джона Локка. Следующий отрывок из Послания к читателю, который предваряет Эссе Локка о человеческом понимании, часто цитируется с одобрением сторонниками концепции поденщика.</p> <p>Содружество ученых в настоящее время не обходится без мастеров-строителей, чьи могучие замыслы в развитии наук оставят прочные памятники для восхищения потомками: но мы не должны надеяться стать Бойлом или Сиденхемом; и в эпоху, которая производит таких мастеров, как великий Гюйгениус и несравненный мистер Ньютон, и некоторых других, достаточно амбициозно быть нанятым в качестве поденщика, чтобы немного расчистить почву и убрать часть мусора, который лежит на пути к знаниям.</p> <p>Взгляд Локка перекликается с проведенным А. Дж. Айером различием между «понтификами» и «путешественниками» в философии; он переведен на идиому многих современных философских дискуссий А.Г.Н.Флю в его введении в «Логику и язык» (первая серия); и она имеет много точек соприкосновения с концепцией Гилберта Райла о философии как «неформальной логике» (см. Gilbert Ryle: Dilemmas, Cambridge). Я попытаюсь выделить некоторые из выдающихся особенностей этой точки зрения, которые наиболее важны для моей настоящей цели. Во-первых, существует идея о том, что "философию следует отличать от других искусств или наук скорее по ее методам, чем по предмету" (3). Это, очевидно, вытекает из концепции поденщика; ибо, согласно ему, философия сама по себе не может способствовать какому-либо позитивному пониманию мира: она играет чисто негативную роль в устранении</p>
--	--

philosophy; it must be found, that is, in science. On this view philosophy is parasitic on other disciplines; it has no problems of its own but is a technique for solving problems thrown up in the course of non-philosophical investigations. The modern conception of what constitutes the 'rubbish that lies in the way to knowledge' is very similar to Locke's own: philosophy is concerned with eliminating linguistic confusions. So the picture we are presented with is something like this. Genuine new knowledge is acquired by scientists by experimental and observational methods. Language is a tool which is indispensable to this process; like any other tool language can develop defects, and those which are peculiar to it are logical contradictions, often conceived on the analogy of mechanical faults in material tools. Just as other sorts of tool need a specialist mechanic to maintain them in good order, so with language. Whereas a garage mechanic is concerned with removing such things as blockages in carburettors, a philosopher removes contradictions from realms of discourse. I turn now to a further, connected, implication of the underlabourer conception. If the problems of philosophy come to it from without, it becomes necessary to give some special account of the role of metaphysics and epistemology within philosophy. For though it may be plausible to say that the problems of the philosophy of science, the philosophy of religion, the philosophy of art, and so on, are set for philosophy by science, religion, art, etc., it is not at all obvious what sets the problems for metaphysics and epistemology. If we say that these disciplines are autonomous with regard to their problems, then of course the underlabourer conception collapses as an exhaustive account of the nature of philosophy. Some writers have suggested that metaphysics and epistemology are just the philosophies of science and of psychology respectively in disguise, but I have never seen this view defended in any detail and it is certainly not *prima facie* plausible to anyone who is at all familiar with the history of these subjects. Others again have said that metaphysical and epistemological discussions are an entirely spurious form of activity and do not belong to any respectable discipline at all.

препятствий на пути нашего понимания. Движущую силу для этого прогресса следует искать в методах, совершенно отличных от всего, что можно найти в философии; то есть ее нужно искать в науке. С этой точки зрения философия паразитирует на других дисциплинах; у нее нет собственных проблем, но она является методом решения проблем, возникающих в ходе нефилософских исследований. Современная концепция того, что представляет собой "мусор, лежащий на пути к знанию", очень похожа на концепцию Локка: философия занимается устранением лингвистических путаниц. Итак, картина, которую нам представляют, выглядит примерно так. Подлинные новые знания приобретаются учеными с помощью экспериментальных и наблюдательных методов. Язык - это инструмент, который необходим для этого процесса; как и любой другой инструмент, язык может иметь дефекты, и те, которые ему свойственны, являются логическими противоречиями, часто понимаемыми по аналогии с механическими неисправностями в материальных инструментах. Точно так же, как другие виды инструментов нуждаются в специалисте-механике, чтобы поддерживать их в хорошем состоянии, так и с языком. В то время как механик в гараже занимается устранением таких дефектов, как засорение карбюраторов, философ устраняет противоречия из сфер дискурса. Теперь я перейду к следующему следствию концепции поденщика. Если проблемы философии приходят к ней извне, считаю необходимым дать какой-то особый отчет о роли метафизики и эпистемологии в философии. Понятно, что проблемы философии науки, философии религии, философии искусства и т. д. ставятся перед философией именно что наукой, религией, искусством, но совсем не очевидно, что ставит проблемы перед метафизикой и эпистемологией. Если мы скажем, что эти дисциплины автономны в отношении своих проблем, то, конечно, концепция поденщика рушится как исчерпывающее описание природы философии. Некоторые авторы предположили, что метафизика и

But they treat of questions which have a habit of recurring and such a cavalier attitude soon begins to ring somewhat hollow. It is in fact a good deal less popular than once it was. Another widely held view is that championed, for instance, by Peter Laslett in his editorial introduction to *Philosophy, Politics and Society* (13). According to this view, the preoccupation with epistemological questions, which has for some time characterized philosophical discussion in this country, is to be construed as a temporary phase, as a period of examining and improving the tools of philosophy, rather than as the very stuff of philosophy itself. The idea is that, when this work of re-tooling has been done, it is the duty of the philosopher to return to his more important task—that of clarifying the concepts which belong to other, non-philosophical disciplines. In the first place this interpretation is unhistorical, since epistemological questions have always been central to serious philosophical work, and it is difficult to see how this could be otherwise. More importantly, Laslett's view involves a reversal of the true order of priority within philosophy: epistemological discussion is represented as important only in so far as it serves a further end, namely to advance the treatment of questions in the philosophies of science, art, politics, etc. I want to argue, on the contrary, that the philosophies of science, art, politics, etc.—subjects which I will call the 'peripheral' philosophical disciplines—lose their philosophical character if unrelated to epistemology and metaphysics. But before I can show this in detail, I must first attempt to examine the philosophical foundations of the underlabourer conception of philosophy.

эпистемология - это просто замаскированные философии науки и психологии соответственно, но я никогда не видел, чтобы эта точка зрения защищалась в деталях, и она, безусловно, не является на первый взгляд правдоподобной для любого, кто вообще знаком с историей этих предметов. Другие говорят, что метафизические и эпистемологические дискуссии являются совершенно ложной формой деятельности и вообще не относятся ни к какой уважаемой дисциплине. Но они касаются вопросов, которые имеют привычку повторяться, и такое бесцеремонное отношение вскоре начинает звучать несколько пусто. На самом деле он гораздо менее популярен, чем когда-то. Другой широко распространенной точкой зрения является точка зрения, отстаиваемая, например, Питером Ласлеттом в его редакционном введении к философии, политике и обществу (13). Согласно этой точке зрения, озабоченность эпистемологическими вопросами, которая в течение некоторого времени характеризовала философские дискуссии в этой стране, должна быть истолкована как временная фаза, как период изучения и совершенствования инструментов философии, а не как сама философия. Идея состоит в том, что, когда эта работа по переоснащению будет выполнена, долг философа - вернуться к своей более важной задаче — прояснению концепций, которые принадлежат другим, нефилософским дисциплинам. Во-первых, такая интерпретация неисторична, поскольку эпистемологические вопросы всегда занимали центральное место в серьезной философской работе, и трудно понять, как это могло быть иначе. Что еще более важно, точка зрения Ласлетта предполагает изменение истинного порядка приоритетов в философии: эпистемологическая дискуссия представляется важной только в той мере, в какой она служит дальнейшей цели, а именно для продвижения рассмотрения вопросов в философии науки, искусства, политики и т.д. Напротив, я хочу утверждать, что философии науки, искусства, политики и т.

	д. — предметы, которые я буду называть "периферийными" философскими дисциплинами, — теряют свой философский характер, если они не связаны с эпистемологией и метафизикой. Но прежде чем я смогу показать это подробно, я должен сначала попытаться изучить философские основы концепции философии, лежащей в основе концепции поденщика.
--	--

<p>3. Philosophy and Science</p> <p>That conception is in large part a reaction against the 'master-scientist' view of the philosopher, according to which philosophy is in direct competition with science and aims at constructing or refuting scientific theories by purely a priori reasoning. This is an idea which is justly ridiculed; the absurdities to which it may lead are amply illustrated in Hegel's amateur pseudoscientific speculations. Its philosophical refutation was provided by Hume: If we would satisfy ourselves...concerning the nature of that evidence, which assures us of matters of fact, we must enquire how we arrive at the knowledge of cause and effect. I shall venture to affirm, as a general proposition, which admits of no exception, that the knowledge of this relation is not, in any instance, attained by reasoning's a priori; but arises entirely from experience, when we find that any particular objects are constantly conjoined with each other. Let an object be presented to a man of never so strong natural reason and abilities; if that object be entirely new to him, he will not be able, by the most accurate examination of its sensible qualities, to discover any of its causes or effects. (12: Section IV, Part I.) Now this is admirable as a critique of a priori pseudoscience. But the argument has also frequently been misapplied in order to attack a priori philosophizing of a sort which is quite legitimate. The argument runs as follows: new discoveries about real matters of fact can only be established by experimental methods; no purely a priori process of thinking is sufficient for this. But since it is science which uses experimental methods, while philosophy is purely a priori, it follows that the investigation of reality must be left to science. On the other</p>	<p>3. Философия и наука</p> <p>Эта концепция в значительной степени является реакцией на философский взгляд "мастера-ученого", согласно которому философия находится в прямой конкуренции с наукой и направлена на построение или опровержение научных теорий с помощью чисто априорных рассуждений. Эта идея справедливо высмеивается; нелепости, к которым она может привести, наглядно иллюстрируются любительскими псевдонаучными рассуждениями Гегеля. Его философское опровержение было предоставлено Юмом: Если мы хотим убедиться... в природе этих доказательств, которые убеждают нас в фактах, мы должны спросить, как мы приходим к знанию причины и следствия. Я рискну утверждать в качестве общего положения, которое не допускает исключений, что знание этого отношения ни в коем случае не достигается априорным рассуждением; но возникает полностью из опыта, когда мы обнаруживаем, что какие-либо конкретные объекты постоянно связаны друг с другом. Пусть объект будет представлен человеку, никогда не обладавшему столь сильным природным разумом и способностями; если этот объект будет для него совершенно новым, он не сможет путем самого точного изучения его чувственных качеств обнаружить какие-либо из его причин или следствий. (12: Раздел IV, Часть I.) Теперь это достойно восхищения как критика априорной псевдонауки. Но этот аргумент также часто неправильно применялся для того, чтобы атаковать априорное философствование такого рода, которое является вполне законным. Аргумент</p>
---	---

hand, philosophy has traditionally claimed, at least in large part, to consist in the investigation of the nature of reality; either, therefore, traditional philosophy was attempting to do something which its methods of investigation could never possibly achieve, and must be abandoned; or else it was mistaken about its own nature, and the purport of its investigations must be drastically reinterpreted. Now the argument on which this dilemma is based is fallacious: it contains an undistributed middle term. The phrase 'the investigation of the nature of reality' is ambiguous, and whereas Hume's argument applies perfectly well to what that phrase conveys when applied to scientific investigation, it is a mere *ignoratio elenchi* as applied to philosophy. The difference between the respective aims of the scientist and the philosopher might be expressed as follows. Whereas the scientist investigates the nature, causes and effects of particular real things and processes, the philosopher is concerned with the nature of reality as such and in general. Burnet puts the point very well in his book on Greek Philosophy when he points out (on pages 11 and 12) that the sense in which the philosopher asks 'What is real?' involves the problem of man's relation to reality, which takes us beyond pure science. 'We have to ask whether the mind of man can have any contact with reality at all, and, if it can, what difference this will make to his life'. Now to think that this question of Burnet's could be settled by experimental methods involves just as serious a mistake as to think that philosophy, with its a priori methods of reasoning, could possibly compete with experimental science on its own ground. For it is not an empirical question at all, but a conceptual one. It has to do with the force of the concept of reality. An appeal to the results of an experiment would necessarily beg the important question, since the philosopher would be bound to ask by what token those results themselves are accepted as 'reality'. Of course, this simply exasperates the experimental scientist—rightly so, from the point of view of his own aims and interests. But the force of the philosophical question cannot be grasped in terms of the preconceptions of experimental science. It cannot be answered by generalizing from

звучит следующим образом: новые открытия о реальных фактах могут быть установлены только экспериментальными методами; никакого чисто априорного процесса мышления для этого недостаточно. Но поскольку именно наука использует экспериментальные методы, в то время как философия является чисто априорной, из этого следует, что исследование реальности должно быть предоставлено науке. С другой стороны, философия традиционно утверждала, что занимается исследованием природы реальности; и получается, либо, традиционная философия пыталась сделать что-то, что ее методы исследования не могло быть достигнуто, или же она ошибалась относительно своей собственной природы, и цель ее исследований должна быть радикально переосмыслена. Теперь аргумент, на котором основана эта дилемма, ошибочен: он содержит нераспределенный средний термин. Фраза "исследование природы реальности" двусмысленна, и в то время как аргумент Юма прекрасно применим к тому, что эта фраза передает применительно к научному исследованию, это просто *ignoratio elenchi* применительно к философии. Различие между соответствующими целями ученого и философа можно было бы выразить следующим образом. В то время как ученый исследует природу, причины и следствия конкретных реальных вещей и процессов, философ интересуется природой реальности как таковой и в целом. Бернет очень хорошо излагает эту мысль в своей книге о греческой философии, когда указывает (на страницах 11 и 12), что смысл, в котором философ спрашивает: "Что реально?", включает проблему отношения человека к реальности, которая выводит нас за рамки чистой науки. 'Мы должны спросить, может ли разум человека вообще иметь какой-либо контакт с реальностью, и если может, то как это повлияет на его жизнь'. Теперь думается, что этот вопрос Бернета может быть решен экспериментальными методами, что означает такую же серьезную ошибку, как и думать, о том, что

particular instances since a particular answer to the philosophical question is already implied in the acceptance of those instances as 'real'. The whole issue was symbolically dramatized on a celebrated occasion in 1939 when Professor G.E. Moore gave a lecture to the British Academy entitled 'Proof of an External World'. Moore's 'proof' ran roughly as follows. He held up each of his hands in succession, saying 'Here is one hand and here is another; therefore at least two external objects exist; therefore, an external world exists'. In arguing thus Moore seemed to be treating the question 'Does an external world exist?' as similar in form to the question 'Do animals with a single horn growing out of their snout exist?' This of course would be conclusively settled by the production of two rhinoceri. But the bearing of Moore's argument on the philosophical question of the existence of an external world is not as simple as the bearing of the production of two rhinoceri on the other question. For, of course, philosophical doubt about the existence of an external world covers the two hands which Moore produced in the same way as it covers everything else. The whole question is: Do objects like Moore's two hands qualify as inhabitants of an external world? This is not to say that Moore's argument is completely beside the point; what is wrong is to regard it as an experimental 'proof, for it is not like anything one finds in an experimental discipline. Moore was not making an experiment; he was reminding his audience of something, reminding them of the way in which the expression 'external object' is in fact used. And his reminder indicated that the issue in philosophy is not to prove or disprove the existence of a world of external objects but rather to elucidate the concept of externality. That there is a connection between this issue and the central philosophical problem about the general nature of reality is, I think, obvious.

философия с ее априорными методами рассуждения может конкурировать с экспериментальной наукой на своей собственной почве. Ибо это вовсе не эмпирический вопрос, а концептуальный. Это связано с силой концепции реальности. Обращение к результатам эксперимента неизбежно вызвало бы важный вопрос, поскольку философ был бы вынужден спросить, каким образом сами эти результаты принимаются как "реальность". Конечно, это просто выводит из себя ученого—экспериментатора - и это правильно, с точки зрения его собственных целей и интересов. Но сила философского вопроса не может быть понята в терминах экспериментальной науки. На него нельзя ответить, обобщая конкретные примеры, поскольку конкретный ответ на философский вопрос уже подразумевается в принятии этих примеров как "реальных". Весь этот вопрос был символически инсценирован по случаю празднования в 1939 году, когда профессор Г.Э. Мур прочитал лекцию в Британской академии под названием "Доказательство внешнего мира". 'Доказательство' Мура выглядело примерно следующим образом. Он поднял каждую из своих рук по очереди, говоря: "Вот одна рука, а вот другая; следовательно, существуют по крайней мере два внешних объекта; следовательно, существует внешний мир". Рассуждая таким образом, Мур, казалось, рассматривал вопрос "Существует ли внешний мир?" как аналогичный по форме вопросу "Существуют ли животные с одним рогом, растущим из их морды? 'Этот вопрос, конечно, был бы окончательно решен путем предъявления двух носорогов. Но отношение аргументации Мура к философскому вопросу о существовании внешнего мира не так просто, как вопрос о носорогах. Ибо, конечно, философское сомнение в существовании внешнего мира охватывает две руки, которые создал Мур, точно так же, как оно охватывает все остальное. Весь вопрос в том, квалифицируются ли объекты, подобные двум рукам Мура, как обитатели внешнего мира? Это не значит, что аргумент Мура совершенно не

	<p>относится к делу; что неправильно, так это рассматривать это как экспериментальное доказательство, поскольку оно не похоже собственно на эксперимент. Мур не проводил эксперимент; он напоминал своей аудитории о чем-то, напоминал им о том, как на самом деле используется выражение "внешний объект". И его напоминание указывало на то, что проблема философии заключается не в том, чтобы доказать или опровергнуть существование мира внешних объектов, а скорее в том, чтобы прояснить концепцию внешнего. То, что существует связь между этим вопросом и центральной философской проблемой общей природы реальности, я думаю, очевидно.</p>
--	--